

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-121-140

Япония и российское правительство А.В. Колчака К проблеме современного отношения к японской интервенции в Сибири

В.Г. Дацышен

Аннотация. Статья посвящена проблемам истории японской интервенции на территории России. Участие Японии в иностранной военной интервенции стало важнейшим фактором развития советско-японских отношений, во многом определяло антияпонские настроения россиян на разных этапах истории страны. При наличии обширной историографии вопроса, многие проблемы истории японской военной интервенции на востоке России остаются слабо изученными. Работа посвящена проблемам взаимоотношений между Российским правительством А.В. Колчака и Японией. Содержание и характер помощи японских интервентов властям и армии в Сибири определили исход гражданской войны в России. На основе архивных документов, материалов периодической печати и опубликованных воспоминаний участников событий восстанавливается историческая картина взаимоотношений Омского правительства с государственными структурами и военными Японии. Вице-адмирал А.В. Колчак попытался получить материальную помощь от японского правительства для борьбы против большевиков ещё летом 1918 г. Япония установила прямые отношения с правительством в Омске осенью 1918 г., когда японские войска уже были размещены вдоль железных дорог от Владивостока до Иркутска. В работе выявлены и проанализированы вопросы и проблемы, существовавшие в отношениях между центральной антисоветской властью России и японскими интервентами в 1918–1920 гг. Недостаточная материальная поддержка и отказ Японии послать войска в Западную Сибирь и на Урал обесценили помощь союзников Белому движению. Японские войска активно боролись с партизанским движением на Дальнем Востоке, но избегали не только прямого противостояния с вооружёнными силами РСФСР, но и активного вмешательства в военно-политические события в Центральной и Западной Сибири. Это, в конечном итоге, сформировало негативное отношение к японской интервенции у различных политических сил и социальных групп. Всестороннее изучение истории японской интервенции позволяет глубже понять причины сохранения негативного восприятия участия Японии в событиях гражданской войны и иностранной военной интервенции в России 1918–1922 гг.

Ключевые слова: российско-японские отношения, японская интервенция, Гражданская война в Сибири, Российское правительство А.В. Колчака, антияпонские настроения.

Автор: Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12); Сибирский федеральный университет (адрес: 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79); Красноярский государственный педагогический университет (адрес: 660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89). ORCID: 0000-0001-6471-8327; E-mail: dazishen@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00017).

Для цитирования: Дацышен В.Г. Япония и российское правительство А.В. Колчака. К проблеме современного отношения к японской интервенции в Сибири // Японские исследования. 2021. № 1. С. 121–140. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-121-140

Japan and the Russian government of A.V. Kolchak On the issue of the contemporary evaluation of the Japanese intervention in Siberia

V.G. Datsyshen

Abstract. The article is devoted to the problems of the history of the Japanese intervention in the territory of Russia. Japan's participation in foreign military intervention became a major factor in the development of Soviet-Japanese relations and it largely determined the anti-Japanese sentiments among Russians at different stages of the country's history. Although there is an extensive historiography of the issue, many problems in the history of Japanese military intervention in eastern Russia remain poorly understood. The aim of this work is to reveal the problems in the relations between the A.V. Kolchak government and Japan. The content and nature of the assistance of the Japanese interventionists to the authorities and the army in Siberia determined the outcome of the civil war in Russia. On the basis of archival documents and materials from periodicals, the historical picture of the relationship of the Omsk government with the state and the military of Japan is being restored. Vice-Admiral A.V. Kolchak tried to obtain material assistance from the Japanese government for his struggle against the Bolsheviks in the summer of 1918. Japan established direct relations with the government in Omsk in the autumn of 1918, when Japanese troops were already stationed along the railways from Vladivostok to Irkutsk. The work identifies and analyzes the issues and problems that existed in relations between the central anti-Soviet government of Russia and the Japanese interventionists in 1918–1920. Insufficient material support and Japan's refusal to send troops to Western Siberia and the Urals devalued the allies' assistance to the White movement. Japanese troops actively fought the partisan movement in the Far East, but avoided not only direct confrontation with the armed forces of the RSFSR, but also active intervention in the military and political events in Central and Western Siberia. This ultimately formed a negative attitude towards the Japanese intervention among various political forces and social groups. A comprehensive study of the history of the Japanese intervention provides a deeper understanding of the reasons for the continued negative perception of Japan's participation in the events of the civil war and foreign military intervention in Russia in 1918–1922.

Keywords: Russian-Japanese relations, Japanese intervention, Civil War in Siberia, A.V. Kolchak government, anti-Japanese sentiment.

Author: Datsyshen Vladimir G., Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation); Siberian Federal University (address: 79, Svobodny pr., Krasnoyarsk 660041); Krasnoyarsk State Pedagogical University (address: 82, Ady Lebedevoi street, Krasnoyarsk, 660049). ORCID: 0000-0001-6471-8327; E-mail: dazishen@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017).

For citation: Datsyshen V.G. (2021). Yaponiya i rossiyskoye pravitel'stvo A.V. Kolchaka. K probleme sovremennogo otnosheniya k yaponskoy interventsii v Sibiri [Japan and the Russian government of A.V. Kolchak. On the issue of the contemporary evaluation of the Japanese intervention in Siberia]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2021, 1, 121–140. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-121-140

Участие Японии в иностранной военной интервенции в России в 1918–1922 гг. явилось важнейшим фактором формирования негативного отношения российского общества к Японии и японцам на протяжении прошедших ста лет. Японская интервенция, в отличие от других событий, в том числе русско-японской войны 1904–1905 гг., всегда использовалась в антияпонской агитации. В современной России участие Японии в тех событиях также воспринимается негативно, оценивается как действия антироссийской направленности. Отчасти такая ситуация обусловлена тем, что, и в прошлом, и сегодня значительная часть российского общества, не говоря уже о правящей элите, воспринимала любые действия против центральной российской власти и утвердившегося режима, как вражеские в отношении всей России. Однако были и другие факторы и причины, способствовавшие устойчивому формированию и сохранению негативного отношения к участию Японии в событиях Гражданской войны в России.

В первую очередь, безусловно, сам факт участия вооружённых сил в военных событиях на территории другого государства ведёт к накоплению комплекса проблем и противоречий, и при недостижении поставленных политических целей, как это и было в случае антисоветской военной интервенции, оставляет большой негативный след. А в условиях XX в., когда, начиная с 1930-х годов, два государства находились в противостоящих друг другу военно-политических блоках, этот негативный опыт часто был востребован и поддерживался. Однако, в числе причин формирования негативного отношения российского общества к опыту участия японских войск в Гражданской войне были, очевидно, и претензии антисоветских сил к японцам. В конечном итоге японская армия не только не приняла участия в боевых действиях против Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), но и отказалась вводить свои войска для охраны тыла Белой армии западнее Байкала, а кроме того, не оказала достаточной военно-технической и морально-политической поддержки антисоветскому Российскому правительству, на которую рассчитывали антибольшевистские силы.

В отечественной исторической науке, несмотря на большой интерес к проблемам истории Гражданской войны, мало внимания уделялось проблеме восстановления исторической картины взаимоотношений между антисоветскими властями и Японией, почти не затрагивались вопросы японского представительства и военного присутствия в регионах западнее Байкала. Эти вопросы, например, не нашли отражения в вышедшем в 1931 г. в Москве сборнике документов «Из истории японской интервенции на Дальнем Востоке 1918–1922 гг.» [Из истории..., 1931]. Составитель вышедшего в 1930-х годах сборника документов «Японская интервенция» И. Минц проблему не озвучил, но в сборник включил раздел «Поддержка Колчака Японией», где без ссылок опубликовал небольшое послание генерала Отани Кикудзо с пожеланием А.В. Колчаку: «чтобы дело воссоздания великой России... было скорее доведено до конца» [Японская..., 1934, с. 28]. В сборник также были включены документы, отражающие военно-техническое и торгово-экономическое взаимодействие правительства Колчака с Японией, правда без ссылок на источники. Во второй половине XX в. это направление серьёзного развития не получило, например, проблема не затрагивается в классической работе С.С. Григорцевича [Григорцевич С.С., 1957]. Согласно историографическому исследованию В.П. Наумова, советские историки давали «однозначные оценки» японской интервенции [Наумов В.П., 1972, с. 192], писали о «борьбе против японской интервенции» [Наумов В.П., 1972, с. 286], но в основном

рассматривали проблемы японо-американских противоречий, а не проблемы взаимоотношений между Токио и различными российскими правительствами. Тем не менее, в советской историографии всё же были подняты многие вопросы взаимоотношений между Токио и Омском, это можно увидеть на примере работы сибирского историка С.Г. Лифшица «Политика Японии в Сибири» [Лифшиц С.Г., 1991, с. 3].

В современной историографии содержательная и оценочная составляющие большей части работ по истории японской интервенции не претерпели больших изменений [Дацышен В.Г., 2020]. Однако известные российские японисты продолжают работу по расширению круга исследуемых проблем, опираясь, в том числе на японские документы и материалы японской периодической печати. Показательной в этом отношении является работа К.О. Саркисова «Япония и Советская Россия», где в главе «Сибирская интервенция» выделен параграф «Омское правительство. Колчак» [Саркисов К.О., 2019, с. 83–116]. В последние годы ряд молодых исследователей при обращении к проблеме японской военной интервенции в России акцентируют внимание на проблеме расширения источниковой базы, вводят в научный оборот новые документы российского и японского происхождения [Полутов А.В., 2012; Исповедников Д.Ю., 2015; Зорихин А.Г., 2019; Зорихин А.Г., 2020]. Исследователь Э.А. Барышев показал, что в японской историографии данные проблемы также изучены недостаточно, но имеется возможность расширения источниковой базы [Барышев Э.А., 2017, с. 903–922].

Целью представленной работы является восстановление исторической картины взаимоотношений между Японией и Российским правительством в Омске, выявление вопросов и проблем, существовавших в отношениях между центральной антисоветской властью в Сибири и японскими интервентами в 1918–1920 гг. Историческими источниками по данной теме являются делопроизводственные документы, материалы периодической печати и опубликованные воспоминания участников событий.

Начало японской военной интервенции в России

Вопрос об иностранной военной интервенции в России возник в конце 1917 г. в связи с планами Советского правительства отказаться от обязательств по военному блоку Антанта и заключить сепаратный договор с Германией. Другая проблема отмечена, например, в иркутской летописи: «22 декабря... в помещении китайского консульства состоялось совещание иностранных консулов по поводу текущих событий (японского, греческого, китайского, французского...). В Совет рабочих депутатов послано известие, что в случае насилий над иностранными подданными они будут просить свои правительства оказать содействие» [Романов Н.С., 1994, с. 266]. В январе 1918 г. во Владивосток прибыл японский военный корабль, японские спецслужбы поставили перед своей резидентурой в России задачу «предотвращения распространения германского влияния на Восток... это делать исключительно руками русских, избегая вмешательства во внутренние дела России» [Полутов А.В., 2012, с. 73].

Весной 1918 г. начался новый этап вмешательства Японии в революционные события в России. 5 апреля, после убийства во Владивостоке трёх японских подданных, в этом порту был высажен японский десант, поддержанный небольшим британским отрядом. Высший орган

советской власти в Сибири расценил это как начало иностранной военной интервенции и передал всю полноту власти на востоке России Военно-революционному штабу. В «Воззвании Центро-Сибири по поводу высадки десанта иностранных войск» говорилось: «На Сибирскую Советскую Республику совершено нападение международным капитализмом... 4 апреля совершено вооружённое нападение на японскую контору «Сидо»... На следующий день командующий японской эскадрой, стоявший во Владивостокском порту, отдал распоряжение о высадке японских войск во Владивостоке и выпустил воззвание к населению, в котором лживо заявляет о своем сочувствии революции... Выйдите на улицу, и вы увидите радостные улыбки на лицах кулаков и капиталистов... Они радуются японцам, — значит мы будем бороться против них и против японцев»¹. Летом 1918 г. Владивосток перешёл под контроль иностранцев. В обращении союзников от 6 июля 1918 г. говорилось о взятии Владивостока и его окрестностей под охрану иностранных войск. В числе иностранных военачальников, поставивших под документом свою подпись, был и вице-адмирал японского флота Като Хирогару.

Полномасштабная иностранная военная интервенция на востоке России началась в августе 1918 г. Сначала во Владивостоке высадились британский, китайский и французский отряды, а 11 августа 1918 г. на берег прибыло около двух тысяч японских солдат. 6 сентября 1918 г. японские войска вошли в Читу, но далее на запад Япония не захотела отправлять свои войска. В конце 1918 г. бывший военный министр Сибирского правительства докладывал: «К моменту моего отъезда японцы с генералом Отаки (1 жанд[армская], 1 кавал[ерийская] и 3 пех[отных] дивизии) дошли до Читы. Во главе — жандармская дивизия, [которая] расклеивала воззвания к населению в восточном расплывчатом тоне и ставила свою жандармерию... Все начальствующие лица говорили, что у них инструкции доехать до Читы и там зимовать» [Чешско-Словацкий, 2018, с. 889].

В русской правительственной газете в конце ноября 1918 г. были напечатаны материалы из зарубежной газеты о «дислокации Японских войск»: «7-я японская дивизия, закончив в первой стадии свои операции в Сибири, возвращает в Японию офицеров и солдат, необходимых для обучения новобранцев в местах постоянного расквартирования частей дивизии. Остающаяся большая часть состава дивизии готовится расположиться на зимние квартиры от Пограничной до Борзи и частью в Благовещенске. Дислокация японских войск, следующая: отряд 12 дивизии под командованием ген. майора Ямада будет охранять всю Амурскую ж. д. Отряд ген.-м. Михара будет нести охрану Уссурийской ж. д. к северу от Губарево и вдоль реки Уссури. Отряд майора Кадзима будет нести охрану в районе Николаевска и временно Уссур. ж. д. к югу от Губарево до передачи этой охраны соединённым отрядам японцев, американцев, китайцев и чехов. Третья дивизия со штабом в Чите будет нести охрану от Нерчинска до Верхнеудинска. Штаб 7 дивизии будет находиться на ст. Маньчжурия и части её будут нести охрану ж. д. в Северной Маньчжурии»². В 1919 г. на смену 3-й дивизии в Забайкалье прибыла 5-я японская дивизия под командованием генерал-лейтенанта Судзуки Сороку. Что касается Дальнего Востока, то в июне 1919 г. российский посол в Токио сообщал в Омск: «Японское

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-64. Оп.1. Д. 573.

² Правительственный вестник. 1918. 29 ноября.

Правительство решило отправить туда подкрепления в составе 9-й пехотной бригады, эскадрона кавалерии и роты сапёров»³.

В ноябре 1919 г. владивостокская газета сообщала: «За время с августа 1918 года по минувший октябрь месяц в Сибирь прибыло всего 120 000 японских офицеров и нижних чинов, включая в это число также те дивизии, которые уже возвратились в Японию... Потери японских экспедиционных сил по август месяц составляли: убитых 40 офицеров, 730 унтер-офицеров и рядовых; раненых — 40 офицеров и 650 унтер офицеров и рядовых. Кроме того, умерло от болезней 500 офицеров и нижних чинов»⁴.

Исход Гражданской войны не только на востоке страны, но и во всей России, решался на Восточном фронте, где армия Российского правительства Колчака противостояла Рабоче-Крестьянской Красной армии. Роль и значение японских интервентов для общего исхода Гражданской войны определялись взаимодействием между Токио и Омском.

Российское правительство в Омске поэтапно, чередой переворотов, сформировалось в 1918 г. Это правительство претендовало на верховную власть в бывшей Российской империи и представляло главную угрозу Советскому правительству большевиков в Москве. В «Приказе Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами России» адмирала Колчака № 1 от 18 ноября 1918 г. говорилось: «Сего числа постановлением Совета Министров Всероссийского Правительства я назначен Верховным Правителем»⁵. Правда, преемственность власти была сохранена, глава Временного Сибирского правительства П.В. Вологодский остался председателем Совета Министров России. В воззвании к населению Верховного Правителя, в частности, говорилось: «Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка. Дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает...»⁶.

Установление взаимодействия между Колчаком и Японией.

А.В. Колчак был известен в Японии со времен войны 1904–1905 г., куда он попал в качестве военнопленного после капитуляции Порт-Артура⁷. В 1918 г. А.В. Колчак, выполняя распоряжение британского правительства, прибыл в Харбин. В конце июня он отправился в Японию за поддержкой союзников, но, не получив помощи и оружия, вице-адмирал в сентябре выехал во Владивосток. Бывший член Сибирского правительства Г.К. Гинс вспоминал: «...в Омске его попросили остаться. Директория, желая привлечь популярного адмирала в состав правительства, предложила ему пост министра по военным и морским делам. Жаждавшие твёрдой власти общественные круги... остановили свой выбор на адмирале, наметив его в качестве диктатора» [Гинс Г.К., 1921, с. 5].

Признание А.В. Колчака Верховным правителем со стороны А.И. Деникина, Н.Н. Юденича и Е.К. Миллера сделали Омск центром, определявшим направление общей политики

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119. Л. 3.

⁴ Дальний Восток. 1919. 13 ноября.

⁵ Правительственный вестник. 1918. 20 ноября.

⁶ Правительственный вестник. 1918. 20 ноября.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 68.

национальных антибольшевистских сил. 19 ноября 1918 г. из Владивостока сообщили в Омск, что известие о временной передаче всей власти Колчаку «единодушно было приветствовано»⁸. Однако признания Российского правительства со стороны союзников, в том числе и Японии, так и не состоялось. Ближе всего к признанию этого правительства среди союзников была, очевидно, Япония. Например, в «секретной телеграмме посла в Токио в Омск от 22 мая 1919 г.» говорилось: «Дня четыре тому назад Японское Правительство обратилось через своих представителей в Вашингтоне, Лондоне. Париже... с предложением приступить к обсуждению... условий признания Омского правительства. С своей стороны Япония выставила лишь обычное условие взятия на себя новым правительством всех долгов и международных обязательств его законных предшественников до большевистского переворота...»⁹.

Правительственная газета 21 ноября 1918 г. сообщила: «Адмирал А.В. Колчак по случаю принятия на себя Верховной Государственной власти получил множество приветствий, между прочим, от Верховного Уполномоченного на Дальнем Востоке генерала Хорвата, командующего Сибирской армией генерала Иванова-Ринова, генерала Хрещатитского, командира N-го туземного полка Юй Шен-дуна...»¹⁰. Ни японцы, ни атаман Г.М. Семенов в первые дни не стали выражать адмиралу Колчаку своей поддержки. Но в декабре 1918 г. морской агент в Японии контр-адмирал Борис Петрович Дудоров сообщал из Токио в Омск: «По-видимому политика японских военных кругов меняется по отношению Русских под давлением английской и французской. Сейчас Японский Генеральный Штаб подчёркивает свое желание содействовать Новому Правительству в деле водворения порядка»¹¹.

Япония вступила в отношения с Омском осенью 1918 г. Глава правительства П.В. Вологодский в Харбине встречался с начальником японской дипломатической миссии на Дальнем Востоке Мацудайра Цунэо. Япония осенью 1918 г. отправила в Омск своего генконсула в Харбине Сато Наотакэ. Японский дипломат провел в столице Сибири 4 месяца, он был сторонником ограничения военного вмешательства иностранцев во внутренние дела России. Глава внешнеполитического ведомства в Омске Ю.В. Ключников 26 ноября 1918 г. телеграфировал российскому послу в Токио: «Вчера мною передана японскому ген-консулу Сато нота с благодарностью за помощь, оказанную Японией в нашей борьбе против германо-большевистских войск... далее выражена надежда, что помощь эта будет оказываться непосредственно правительству и будет прекращена сепаратная поддержка отдельных отрядов как то Семенова и Калмыков...»¹².

Первым представителем японского военного командования при Временном Всероссийском правительстве (сентябрь 1918 – январь 1919) стал, очевидно, начальник военной миссии генерал-майор Муто Нобуёси¹³. Исследователь Зорихин пишет: «Решая задачу налаживания контактов с Омским правительством, в октябре 1918 г. командир 3-й пехотной дивизии

⁸ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 684. Л. 3

⁹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 687. Л. 1].

¹⁰ Правительственный вестник. 1918. 21 ноября

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119. Л. 3.

¹² ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 687. Л. 26.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 37. Л. 117]

направил на запад группу генерал-майора Муто. 12 октября она прибыла в Иркутск, а её сотрудник майор Микэ Кадзуо выехал в Омск... В середине ноября к Микэ присоединились Муто и его заместитель Фукуда Хикосукэ» [Зорихин А.Г., 2020, с. 136]. Вместе с японскими военными в столицу Сибири прибыл управляющий Харбинским отделом правления Южно-Маньчжурской железной дороги Сёдзи.

В конце 1918 г. главой японской военной миссии (ЯВМ) в Омске был назначен адмирал Танака Котаро. В газетах было дано описание прибытия японского представителя: «В пятницу вечером, 14-го февраля, около 10-ти часов утра, со специальным поездом прибыл в Омск Японский Адмирал Котаро Танака... На перроне вокзала прибывшего представителя Японии встретили: Военный Министр ген. Степанов, Морской Министр контр-адмирал Смирной... и.д. управл. Министерством Иностранных дел И.И. Сукин... представители Японской миссии ген. Муто, полковник Фукуда, майор Мике, капитан Андо, поручик Окуба и представители Ставки Верховного Главнокомандующего ротмистр Овчинников и капитан Видовский... Вместе с Адмиралом прибыли: капитан 2-го ранга Янаи и представитель Южно-Маньчжурского железнодорожного общества в Харбине Сиодзи»¹⁴. На встрече с журналистами Танака сказал: «Я не являюсь главным представителем Японии в Омске. Но я долго жил в России, хорошо знаю русских и Морское Министерство моего правительства считало поэтому полезной мою поездку сюда в целях сближения России с Японией»¹⁵. Из Токио морской агент контр-адмирал Б.П. Дудоров телеграфировал: «Вопреки заявлению, сделанному мне Адмиралом Танака, что он является представителем только Морского Министерства... Танака послан Военным Министерством... ввиду его личных отношений в Верховным Правителем»¹⁶. С января 1919 г. начальником ЯВМ в Омске формально стал начальник 2-го (разведывательного) отдела штаба японского экспедиционного корпуса генерал-майор Такаянаги Ясутаро. В составе этой военной миссии были полковник Фукуда, майор Микэ, капитан Хираса, капитан Савада, капитан Сакамото, старший лейтенант Окубо, старший военный врач Ёсии, старший интендант Такахаси, контр-адмирала Танака, капитан 2-го ранга Ёнаи.

В 1919 г. при правительстве адмирала А.В. Колчака Японию представляли генеральный консул Мацусима, сменивший в январе 1919 г. Сато, и глава военной миссии полковник Фукуда. В 1919 г. Управляющим Консульством в Омске был назначен секретарь Генконсульства в Харбине Симада Сигеру.

Проблемы сотрудничества

Омское правительство с осторожностью относилось к вопросу о военной помощи со стороны Японии. П.В. Вологодский писал в Харбин Хорвату: «До последнего времени наша политика в отношении Японии носила выжидательный и неопределённый характер. Это обуславливалось наблюдавшимися до сих пор противоречиями между дружественными заявлениями Японского Правительства с одной стороны и действиями японских агентов

¹⁴ Правительственный вестник. 1919. 15 февраля.

¹⁵ Правительственный вестник. 1919. 18 февраля.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119. Л. 52.

в Сибири с другой... в поведении японских войск в Сибири, носившем характер военной оккупации... Япония не заинтересована в скором восстановлении единой и сильной России. Подобно своей деятельности в Китае, она будет и здесь стремиться к поддержанию гражданской войны до полного изнурения России, чтобы создать более удобную почву для эксплуатации обессиленной страны...»¹⁷.

В исследовании А.Г. Зорихина указано, что находившийся в Омске майор Микэ Кадзуо осенью 1918 г. проинформировал японцев о нежелании Омска просить у Токио помощи из-за боязни встречных японских требований и возлагаемых надежд на военные поставки Британии [Зорихин А.Г., 2020, с. 136]. В декабре 1918 г. главный уполномоченный и военный представитель Верховного Правительства России на Дальнем Востоке генерал-лейтенант Георгий (Юрий) Дмитриевич Романовский сообщил А.В. Колчаку, что из «серьёзного Американского источника» он узнал, что «Япония намерена предъявить как компенсацию за оказываемую России помощь: первое Владивосток свободный порт... пятое продажа Японии Северного Сахалина»¹⁸. В выписке из журнала заседания Совета министров от 18 февраля 1919 г. говорилось: «Слушали сообщение Временного Управляющего Министерством Иностранных Дел И.И. Сукина о необходимости выяснить позицию Правительства в области экономических отношений с иностранными державами и в частности дать ответ на вопросы поставленные Сеодзи, находящегося при Японском Адмирале Танаки»¹⁹.

У Омского правительства с японскими интервентами были те же самые проблемы, что и с другими иностранными войсками. 21 июня 1919 г. генерал А.П. Будберг в своём дневнике записал: «большие станции забиты чешскими эшелонами, что ещё более затрудняет транспорт и не позволяет рассортировать задержанные составы и пропустить вперёд наиболее для нас нужные; наш нищенский график сильно страдает ещё и оттого, что хозяевами дороги являемся не мы, а многочисленные союзные опекуны и в первую голову идут поезда чешские, польские, междусоюзные, а восточнее Байкала – японские и семёновские; нам же достаются одни только объедки» [Гражданская..., 2005, с. 275]. Непростым вопросом русско-японских отношений была деятельность японских спецслужб. Но стороны находили компромиссы. В докладе вернувшегося с переговоров в Японии Ю.Д. Романовского Верховному Правителю России говорилось: «Достигнуто полное соглашение смысле работы русско-японской контр-разведки для борьбы с большевизмом и учреждения нашего отделения Японии...»²⁰. Правительство в Омске всячески боролось с практикой, когда японское командование фактически ставило под свой контроль русские войска на Дальнем Востоке. Не случайно, российских представителей обязывали напоминать японским властям: «Условия действия японских войск и их сотрудничества с русскими военными силами должны быть обсуждены особо с соблюдением принципа неприкосновенности авторитета русской национальной власти»²¹.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 9

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 19

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 37. Л. 129

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 2

²¹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 4.

Говоря о русско-японских отношениях в период Гражданской войны, необходимо учитывать проблему, озвученную в письме посла в Токио на имя управляющего МИД в Омске Ю.В. Ключникова от 10 декабря 1918 г.: «полной согласованности в действиях отдельных японских ведомств, являющихся проводниками японской политики в Сибири, – не существует и поэтому было бы ошибкой считать каждый предпринимаемый японцами в Сибири шаг как часть вполне определённой и согласованной программы...»²².

Важнейшим составляющим взаимодействия между Омском и Токио были вопросы поставок оружия, боеприпасов, медикаментов, амуниции и другого снаряжения. Посол В.Н. Крупенский телеграфировал: «Японское правительство согласно поставить нам 50 000 винтовок, но просит сообщить... каким путём будет произведена уплата следуемых за них денег... Японские банки неизбежно потребуют полной материальной гарантии... вероятнее всего из нашего золотого запаса»²³.

Сотрудничество между Омском и Токио наталкивалось на многочисленные препятствия. Для оперативного решения вопросов Омское правительство отправляло в Токио своих представителей, например, помощника военного министра по снабжению генерал-квартирмейстера В.И. Сурина и др. Верховный правитель А.В. Колчак 26 июля 1919 г. телеграфировал своему представителю на Дальнем Востоке Ю.Д. Романовскому: «Следует воспользоваться поездкой в Японию Генерала Сурина... Генерал Сурин равным образом должен ускорить получение военного снабжения от Японии и в первую очередь 50 000 винтовок и 10 миллионов патронов в месяц»²⁴. Из Канцелярии Управляющего в Военном министерстве в Омске, генерал-лейтенант А.П. Будберг телеграфировал в Токио в июле 1919 г.: «Военный Министр просит передать: «Прошу доложить Послу просьбу передать Японскому Правительству уступить нам тридцать тысяч шинелей пятнадцать тысяч комплектов остального обмундирования точка Условия оплаты желательно получить наиболее льготные было бы желательно получить право оплатить возможно большую часть рублями для оплаты японских расходов содержанию их войск Сибири точка»²⁵. В телеграмме представителя адмирала А.В. Колчака во Владивостоке В.О. Клемм от 5 сентября 1919 г. говорилось: «Японцы готовы отпустить окончательно 20 тысяч винтовок и патроны к ним. Вопрос этот... выясняется ныне путём переговоров Генерала Сурина с Военным Министерством в Токио. Здесь японское командование интересуется вопросом как будет производиться уплата денег за это оружие...»²⁶. В ноябре в Токио продолжались переговоры о выполнении «заказов интендантского и средств связи» для армии Правительства А.В. Колчака на сумму около 29 млн иен²⁷.

²² ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 122. Л. 6

²³ ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941. Москва: Российская политическая энциклопедия. 2001. С. 119.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 49

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119. Л. 47.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 684. Л. 1

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119. Л. 62

Миссия Ю.Д. Романовского

Важное значение в деле решения вопросов взаимодействия между Российским правительством А.В. Колчака и правительством Японии отводилось миссии спецпредставителя на Дальнем Востоке генерал-лейтенанта Ю.Д. Романовского. В телеграмме из Омска на имя посла в Токио от 2 мая 1919 г. говорилось: «Верховный Правитель командировал в Японию генерала Романовского с поручением зондировать при Вашем содействии Японские военные круги о возможности переговоров по вопросам военно-технической помощи...»²⁸. В Инструкции генералу Ю.Д. Романовскому от 25 апреля 1919 г. говорилось: «...5/ Поэтому практически от Японии желательно добиться: а/ принятие ею на себя ответственности за сохранение порядка в дальневосточных областях по всей линии железной дороги до Иркутска... гарантии твёрдости военно-политического положения возлагаются на Японию... в случае общей перемены европейской обстановки и усиления большевистских войск на нашем фронте какими-либо иностранными войсками. Русское Правительство сочтёт своевременным возбудить вопрос о ещё большем расширении японского военного содействия»²⁹.

Такую позицию Российского правительства не поддержал российский посол в Токио В.Н. Крупенский, который телеграфировал в мае 1919 г. в Омск: «обращение к Японии с просьбой о принятии ею на себя охраны Русского Дальнего Востока с ответственностью по поддержанию порядка представляла бы крупную политическую опасность и свелось бы к искательству нами протектората в этой части России...»³⁰. Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов 3 мая 1919 г. телеграфировал из Парижа: «Не возражая против посылки Романовского в Токио для разрешения технических военных вопросов местного характера, нахожу недопустимым ведение политических переговоров без предварительного моего заключения по существу вопросов...»³¹.

Вокруг миссии Ю.Д. Романовского сформировался круг противоречий и интриг. Российская дипломатия, традиционно ориентирующаяся на Запад, демонстративно не доверяла Японии. Например, министр иностранных дел С.Д. Сазонов в мае 1919 г. писал из Парижа о необходимости «обезопасить... окраины от Японского захвата»³². В телеграмме из Омска от 31 мая 1919 г. на имя Крупенского и Сазонова, за подписью управляющего Министерством иностранных дел в Омске И.И. Сукина, говорилось: «Миссию Генерала Романовского следует рассматривать только как попытку, безуспешность которой образумит военные круги в их легковверных и преувеличенных расчётах на Японию»³³. Таким образом, российская дипломатия в первой половине 1919 г. использовала переговоры с Японией не столько для установления полномасштабного сотрудничества, сколько для того, чтобы напугать страны Запада опасностью усиления Японии на Дальнем Востоке.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119. Л. 16

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 3а-5

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 7

³¹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 42

³² ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 69

³³ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 69

В телеграмме Ю.Д. Романовского из Токио от 2 июня на имя А.В. Колчака говорилось: «Японцы встретили меня крайне любезно здесь наблюдается серьёзное стремление установить хорошие отношения Омском и Японское Правительство настойчиво поддерживает пред союзниками необходимость признания Вашего Высокого Превосходительства»³⁴. В течение месяца специальный представитель А.В. Колчака работал в Японии, но 30 июня 1919 выехал в Россию. Уже из Владивостока Ю.Д. Романовский докладывал А.В. Колчаку: «Все официальные лица Японии отнеслись ко мне крайне любезно подчеркивая своё дружеское расположение к Вашему Превосходительству. Японцы заняли совершенно определённую позицию поддержки нашего правительства и стараются повлиять в этом смысле на остальных союзников... опасаясь сокращения или увода экспедиционного корпуса не приходится, ибо японцы ясно осознают опасность большевизма для собственной страны»³⁵. Ю.Д. Романовский докладывал А.В. Колчаку: «Что касается расширения этой помощи, то таковая возможна, но потребует экономических компенсаций, причём их требования сводятся к продаже им участка южной Китайской железной дороги, о чём уже велись переговоры и возможность получения некоторых концессий на лесные и минеральные богатства края причём эксплуатация таковых производится совместно с русским капиталом. Территориальные уступки совершенно исключены. Смысл привлечения Японии снабжения армии возможно оборудование кратчайший срок патронного завода Владивостоке или Хабаровске станки уже имеются необходимые средства – Японские Правительство и частные капиталисты. На таких же основаниях возможно другими предметами одежды и обувью...»³⁶.

Проблема отправки японских войск в Западную Сибирь

Поскольку будущее России в Гражданской войне решалось на Восточном фронте, то и в числе главных проблем отношений между Правительством Колчака и Японией был вопрос об отправке японских войск на запад от Байкала. Этот вопрос начал обсуждаться ещё в 1918 г., осенью российский посол в Токио писал в Омск: «я неоднократно настаивал перед Японским Правительством на посылке японских войск к Уралу, и на помощи оружием, снаряжением и другими материальными средствами создаваемой в Западной Сибири новой русской армии... Япония не намерена... своих войск далее Иркутска без ясно выраженного пожелания... со стороны Америки. Даже посылку оружия и снаряжения... в Западной Сибири японцы не решаются предпринять без предварительного соглашения с Америкой»³⁷. В омской газете сообщалось: «Владивосток. 31-ХП (РТА) По сообщению японской газеты... японское правительство ныне обсуждает вопрос о продвижении японских войск к Уральским горам совместно с союзниками»³⁸. В декабре военно-морской агент в Японии Б.П. Дудоров

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 15

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 2

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 2

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 121. Л. 4

³⁸ Правительственный вестник. 1919. 4 января.

телеграфировал в Омск: «Япония готова послать полк пехоты и соответствующие части других родов оружия в Омск, чтобы помочь организации Русской армии присылкой оружия...»³⁹.

Омская официальная газета давала читателям надежду на то, что японское общественное мнение поддерживает отправку японских войск на фронт против Красной Армии. В напечатанном в «Правительственном вестнике» в начале 1919 г. сообщении Российского телеграфного агентства (РТА) из Владивостока говорилось: «Газета «Хири Хири» в передовой статье, по поводу вопроса передвижения японских войск к Уралу, между прочим, говорит: 180 миллионов русского народа получит возможность избавиться от злодеяний, причинённых большевизмом. Подобная помощь стране, с которой Япония жила в добрососедских отношениях, в последние лет является мероприятием, против которого нельзя возразить, наоборот, это надо считать выполнение священной обязанности. Для успешности такой операции газета советует присвоить контроль над сибирскими железными дорогами...»⁴⁰. Однако из других сообщений этой же газеты можно было сделать предположение о том, что японское общество желало бы минимизировать участие своих вооружённых сил в военных событиях в соседней стране. В конце января 1919 г. русские газеты напечатали сообщение РТА: «Японском Мин. ин. дел заявлено в нижней палате, что численность японских войск в Сибири уменьшена с семидесяти до двадцати тысяч»⁴¹. Да и в инструкции отправляемому в Японию специальному представителю А.В. Колчака генералу Ю.Д. Романовскому от 25 апреля 1919 г. указывалось: «Охрана Японскими войсками железной дороги к западу от Иркутска пока не нужна. Однако природа взаимоотношений с Японским Правительством должна быть такова, чтобы в случае непредвиденного развития событий, можно было рассчитывать на быстрое содействие и в этом отношении. д/ Равным образом не нужна и посылка японских войск на фронт»⁴². Актуальность проблемы отправки японских войск западнее Байкала резко выросла лишь летом 1919 г., когда армия Правительства Колчака стала терпеть серьёзные неудачи, как на Восточном фронте, так и в борьбе с красными партизанами в Сибири.

Японские власти проводили в 1919 г. последовательную политику, объясняя свой отказ от посылки войск на запад от Байкала отсутствием согласованного решения по этому вопросу с союзниками. Но в Омске с этим утверждением не соглашались, сообщая в Токио: «Указание Учида на отсутствие между союзного постановления о желательности охраны железной дороги к западу от Иркутска японскими и американскими силами не точно. Из телеграммы Клемансо на имя Верховного Правителя от 2 июля явствует, что союзниками уже тогда предусматривалась такая возможность»⁴³. В телеграмме российского посла в Токио от 22 июля 1919 г. говорилось: «Вопрос о посылке войск на запад от Иркутска был предметом окончательного обсуждения в первом комитете и в Совете Министров, после чего М-во Иностранных Дел передал мне сегодня меморандум нижеследующего содержания: – Японское Правительство даёт себе вполне ясный отчет в положении вызывающем просьбу о посылке 2 японских дивизий на запад от

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119. Л. 3.

⁴⁰ Правительственный вестник. 1919. 4 января.

⁴¹ Правительственный вестник. 1919. 29 января.

⁴² ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 3а-5.

⁴³ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 687. Л. 25.

Иркутска. К сожалению, однако, Японское Правительство должно вполне откровенно заявить, что оно не считает возможным расширить свою помощь вооруженными силами... считая, что подобная мера не может в настоящую минуту быть встречена сочувственно японским общественным мнением, Правительство придерживается уже неоднократно объявленного им намерения ограничить свою военную деятельность сферой к востоку от Байкала»⁴⁴.

Несмотря на отказы, Омск продолжал настаивать на отправке японских войск в Западную Сибирь. В телеграмме А.В. Колчака на имя Ю.Д. Романовского от 26 июля 1919 г. говорилось: «В настоящее время, кроме поддержания порядка на Дальнем Востоке, реальная помощь Японии нужна также и к западу от Байкала... необходимо добиваться присылки двух японских дивизий для охраны железной дороги западнее Байкала. При этом намечается желательность выдвижение японских частей вплоть до ст. Ишим, где хотя и не принимая участие на фронте они оказали бы ободряющее действие на дух наших войск, сосредоточенных вблизи этого района... По получении окончательных предложений Японского Правительства, благотворите их срочно сообщить в Омск. Следует воспользоваться поездкой в Японию Генерала Сурина, чтобы дать этому вопросу практическое движение»⁴⁵.

В телеграмме Г.Д. Романовского из Владивостока на имя И.И. Сукина от 29 июля «для доклада Верховному Правителю» говорилось: «Судя по настроению японцев во Владивостоке добиться сейчас посылки японских войск западу Байкала будет затруднительно ввиду сильных анти-японских течений в Китае и Корее... Японское Правительство вынуждено будет считаться с мнением Парламента...»⁴⁶. Осенью 1919 г. Г.К. Гинс записал: «В августе, когда после совещания с Моррисом было решено просить Японию принять на себя охрану Сибирской дороги к западу от Байкала и послать для этого две дивизии, Токио ответил отказом, ссылаясь на климатические затруднения и на непопулярность в парламенте и обществе сибирских экспедиций» [Гинс Г.К., 2007, с. 533]. Несмотря на отказ Японии оказать военную помощь адмиралу Колчаку на Восточном фронте, общественность надежды не теряла. Представитель Верховного правителя Колчака во Владивостоке В.О. Клемм телеграфировал 25 августа 1919 г. в Омск: «Сюда прибыл первый эшелон сменных дивизий, что породило слухи о посылке Японских войск не только на Байкал, на охрану дороги, но и на фронт»⁴⁷.

Осенью 1919 г. армия адмирала Колчака уже была не в состоянии остановить наступление РККА на Омск. Российские дипломаты вновь пытались добиться отправки японских войск в Сибирь. Посол В.Н. Крупенский телеграфировал на имя Управляющего МИД в Омске 1 октября 1919 г.: «Я подробно изложил М-стру Иностраннных Дел содержание Вашей телеграммы № 87 и самым настоятельным образом просил его пересмотреть прежнее решение Японского Правительства не посылать свои войска к западу от Иркутска. Министр ответил мне, что вполне осознает серьезность положения и важность вопроса и обещал поставить его вновь на рассмотрение Совета Министров, присовокупив, однако, что благоприятное разрешение его

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119. Л. 37.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 49.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 120. Л. 22.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 200. Л. 26.

будет делом весьма трудным...»⁴⁸. Старания российских представителей оказались тщетными. В телеграмме посла из Токио от 11 октября 1919 г. вновь была озвучена уже известная японская позиция. Японский МИД передал российскому послу памятную записку, в которой говорилось: «Японское Правительство вполне отдаёт себе отчет в положении вещей, которое вызвало просьбу о посылке японских войск к западу от Иркутска. Хотя ответ по тому же предмету уже раз был дан... однако в виду важности и значения вопроса, Японское Правительство подвергло его вновь самому тщательному рассмотрению. Но, к своему большому сожалению, оно находит невозможным изменить прежнюю свою точку зрения... Японское Правительство надеется, что русские власти найдут средства, чтобы совладать с затруднениями по охране железн. дороги в случае ухода чехо-словаков»⁴⁹. Японские представители в столице Белой Сибири подтверждали сообщения российских дипломатов, правительственная газета сообщала: «Омск. 31-X (Рта) По сведениям Японской дипломатической миссии Япония не намерена усиливать своих войск в Сибири»⁵⁰.

В качестве знака морально-политической поддержки Японией Верховного правителя А.В. Колчака можно рассматривать отправку в Омск в качестве чрезвычайного посланника графа Като Такааки. Чрезвычайным посланником в Омск Като Такааки был назначен ещё в июле 1919 г. Но отъезд японского представителя в Сибирь надолго задержался. 8 августа 1919 г. российский посол В.Н. Крупенский телеграфировал из Токио в Омск: «Като прибыл сюда на днях. В виду серьезной болезни сына и жены его отъезд состоится только в начале сентября. Министр иностранных дел сказал мне, что в ближайшем будущем последует назначение Като послом со специальной миссией подобно тому, как это было сделано для виконта Ишии при первой поездке последнего в Америку, без указания о назначении его послом в определённое место и без снабжении его верительной грамотой»⁵¹. Ещё через месяц с лишним В.Н. Крупенский телеграфировал из Токио: «Посол Като выезжает отсюда 19-го сентября. Он был задержан здесь несколько долее предположенного главным образом, дабы он мог до отъезда повидаться с возвращающимся на днях сюда Моррисом»⁵².

Во Владивостоке японский посланник Т. Като заявил русским журналистам: «Главная цель в моей поездке – установление тесных сношении с Омским правительством... никаких специальных поручений я не имею»⁵³. Что касается проблемы признания Правительства адмирала Колчака, то японский представитель озвучил японскую официальную позицию: «Япония первая подняла этот вопрос... японские правительственные сферы желали бы как можно скорее признать Омское Правительство... сепаратных шагов в этом отношении со стороны японского правительства не последует»⁵⁴. По пути следования по Сибири, японский посланник останавливался в крупных городах. 10 октября в правительственной газете было

⁴⁸ Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 529. Л. 176.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119. Л. 60.

⁵⁰ Правительственный вестник. 1919. 1 ноября.

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 33.

⁵² ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 529. Л. 182.

⁵³ Правительственный вестник. 1919. 12 октября.

⁵⁴ Правительственный вестник. 1919. 12 октября.

напечатано сообщение из Читы: «Японский посол Като, направляющийся в Омск, временно останавливался в Чите»⁵⁵.

В Омск Като Такааки прибыл лишь 14 октября 1919 г. Газеты сообщали: «На вокзале городской ветки собрались высшие представители военного ведомства, представители иностранных миссий и члены Правительства. Среди присутствующих министры: Пепеляев, Сукин, Устругов... почетный караул первого егерского батальона... Встреча носила исключительно сердечный характер»⁵⁶. Но кроме моральной поддержки, японские представители Верховному правителю больше ничего не предложили. Осенью 1919 г. член Омского правительства Г.К. Гинс отметил: «В Омске с половины октября находился высокий комиссар Японии, член верховной палаты Като. Зачем он прибыл в Омск в его предсмертные часы?» [Гинс Г.К., 2007, с. 533].

Осенью 1919 г. Япония оказывала и другие виды поддержки Белой Сибири. 1 ноября правительственная газета сообщала: «в Омск прибыла Японская делегация Красного Креста во главе с уполномоченным г. Хашитули, с пожертвованием лечебных средств и перевязочным материалом в количестве 324 ящика»⁵⁷. «Уполномоченный Японского Красного Креста Хишигучи» вместе с другими членами своей миссии 7 ноября выехали с эшелоном Французской военной миссии из Омска в Иркутск⁵⁸.

Демонстрация поддержки Японией правительству адмирала Колчака не могла заменить реальной военной помощи. В ноябре 1919 г. началась полномасштабная эвакуация из Сибири на восток всех, кто не готов был признать власть большевиков. Японская дипломатическая миссия покинула Омск последней, вместе в эвакуирующимся колчаковским правительством, 8 ноября 1919 г. В дальнейшем, до начала 1920 г., дипломатическая миссия Като Такааки находилась в Иркутске, объявив о своем нейтралитете.

Сибирская общественность до последнего надеялась на помощь Японии. Эвакуирующийся на восток купец Адольф Даттан в своем дневнике, который он вёл в конце 1919 г., отмечал: «29/12 декабря... в 10 часов утра прибыли в Красноярск. Но здесь пробка и не могут достать ни одного поезда – нет угля. Что будет? Не хотелось бы долго стоять в Красноярске, этом большевистском гнезде. Говорили, что здесь уже есть японцы, но о них ничего не слышно» [Деер, 2002, с. 45].

После поражения в борьбе за столицу Сибири армия А.В. Колчака, отступая, сопротивлялась ещё почти два месяца. Министры Омского правительства со всем имуществом выехали в Иркутск утром 10 ноября 1919 г. Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак покинул Омск на поезде поздно вечером 12 ноября 1919 г., и в ночь на 14 ноября станция Омск была занята Красной Армией. В конце декабря эшелон адмирала Колчака въехал в Иркутскую губернию. Вскоре в Нижнеудинске конвой адмирала был заменён чехословацкой охраной, а затем чехословацкое командование в Иркутске передало Верховного Правителя России большевикам. 6 февраля 1920 г. Иркутский ревком постановил расстрелять А.В. Колчака

⁵⁵ Правительственный вестник. 1919. 10 октября.

⁵⁶ Правительственный вестник. 1919. 17 октября.

⁵⁷ Правительственный вестник. 1919. 1 ноября.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 129 Л. 43.

и премьера колчаковского правительства В.Н. Пепеляева, постановление было приведено в исполнение. В воспоминаниях генерала К.В. Сахарова показана позиция японцев по вопросу ареста верховного правителя А.В. Колчака: «Узнав об аресте Верховного Правителя, правильнее, – о предательстве, японское командование, располагавшее в Иркутске всего лишь несколькими ротами, обратилось с протестом и предъявило требование об освобождении адмирала Колчака. Но их голос остался одиноким, – ни Великобритания, ни Соединенные Штаты, ни Италия их не поддержали; силы японцев здесь были слишком малы, и они, не получив удовлетворения, ушли из Иркутска» [Сахаров К.В., 1923, с. 204].

После гибели адмирала А.В. Колчака японские войска оставались на территории России восточнее Байкала. Однако действовали они здесь уже в условиях как отсутствия русского правительства, могущего претендовать на статус всероссийского, так и какой-либо перспективы победы белых войск над РККА.

Таким образом, Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак, армия которого в 1919 г. безуспешно пыталась разбить основные силы РККА, так и не получил весомой помощи от Японии. Можно предположить, что значительная часть российского общества, надеявшегося на военные силы Японии в борьбе с большевиками, было разочарована таким союзником. Для формирования устойчивого негативного отношения к японским интервентам, к фактам участия японских войск в карательных действиях против партизан, незаконной эксплуатации природных ресурсов и бесцеремонного вмешательства во внутренние дела добавился фактор отсутствия реальной помощи японской армии вооружённым силам Омского правительства в борьбе с Рабоче-Крестьянской Красной Армией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Барышев Э.А. Архивы и исторические исследования в Японии: на примере историографии «Сибирской военной экспедиции» 1918–1925 годов в послевоенный период // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю.А. Петров. Москва: Этерна, 2017. С. 903–922.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. Т. I. Ч. I. Пекин: Типо-литография Русской Духовной Миссии, 1921. 325 с.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства. М.: Айрис-пресс, 2007. 670 с.

Гражданская война в России: катастрофа Белого движения в Сибири. Москва: АСТ: Транзиткнига. 2005. 475 с.

Григорцевич С.С. Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918–1922 гг.). Москва: Госполитиздат. 1957. 200 с.

Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.) // Сб. док. – Новосибирск: Сибирский хронограф. 1996. 370 с.

Дацышен В.Г. Японская военная интервенция в трудах современных российских историков: инерции фобий и научное познание // Японские исследования. 2020. № 3. С. 21–43. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10018

Деег Лотар. Кунст и Альберс Владивосток. История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924). Пер. с нем. Владивосток. 2002. 315 с.

Зорихин А.Г. «Сибирская экспедиция» Японии (1918–1922) в свете новых источников // Актуальные проблемы изучения истории стран АТР в XIX–XXI вв. (выпуск III). Хабаровск: КГБНУК «ХКМ им. Н.И. Гродекова». 2019. С. 116–140.

Зорихин А.Г. Деятельность органов военной разведки Японии против России на Дальнем Востоке, в Забайкалье, Сибири, Маньчжурии и Корее в 1874–1922 гг. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток. 2020. 201 с.

Из истории японской интервенции на Дальнем Востоке 1918–1922 гг. // Документы. Сост. Н.Ф. Насимович-Чужак. Москва: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 1931. 65 с.

Исповедников Д.Ю. Публикации документов по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1917–1923 гг.): источниковедческий и археографический аспекты // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва. 2015. 374 с.

Лившиц С.Г. Политика Японии в Сибири в 1918–1920 гг. Учебное пособие по спецкурсу. Барнаул: Барнаул. гос. пед. ин-т. 1991. 120 с.

Наумов В.П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. Москва: Мысль. 1972. 472 с.

Полутов А.В. Японские военные миссии в Маньчжурии, Сибири и на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2012. № 4. С. 71–84.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. 560 с.

Саркисов К.О. Япония и Советская Россия. Очерки истории (1917–1937). М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.

Сахаров К.В. Белая Сибирь: Внутренняя война, 1918–1920. Мюнхен, 1923. 324 с.

Чернобаев А.А. «...и на Тихом океане свой закончили поход»: Гражданская и иностранная военная интервенция в России в новейших документальных публикациях // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5. С. 94–100.

Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. Москва: Кучково поле. 2018. 1024 с.

Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. Подготовка к печати И. Минц. Москва: Централхив. 1934. 234 с.

REFERENCES

Baryshev, E.A. (2017). Arkhivy i istoricheskie issledovaniya v Yaponii: na primere istoriografii «Sibirskoi voennoi ekspeditsii» 1918–1925 godov v poslevoennyi period [Archives and Historical Research in Japan: The Example of the Post-War Historiography of the 1918–1925 “Siberian Military Expedition”], in Afiani, V. Yu., & Petrov, Yu. A. (eds.). (2017). *Rol' arkhivov v informatsionnom*

obespechenii istoricheskoi nauki: sbornik statei [The Role of Archives in the Information Support of Historical Studies: A Collection of Articles] (pp. 903-922). Moscow: Eterna. (In Russian).

Chernobaev, A.A. (2013). «...i na Tikhom okeane svoi zakonchili pokhod»: Grazhdanskaya i inostrannaya voennaya interventsia v Rossii v noveishikh dokumental'nykh publikatsiyakh [“...And on the Pacific Ocean They Finished Their March”: Civil War and Foreign Military Intervention in Russia in the Newest Publications of Documents]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 5, 94-100. (In Russian).

Cheshsko-Slovatskii (Chekhoslovatskii) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy. T. 2. Chekhoslovatskie legiony i Grazhdanskaya voina v Rossii. 1918–1920 gg. [Czechoslovak Corps. 1914–1920. Documents and Materials. Vol. 2. Czechoslovak Legions and the Civil War in Russia. 1918–1920]. (2018). Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

Dal'nevostochnaya politika Sovetskoj Rossii (1920–1922 gg.) / Sb. dok. [Far Eastern Policy of Soviet Russia (1920–1922) / A Collection of Documents]. (1996). Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (In Russian).

Datsyshen, V.G. (2020). Yaponskaya voennaya interventsia v trudakh sovremennykh rossiiskikh istorikov: inertsii fobii i nauchnoe poznanie. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 3, 21–43. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10018

Deeg, L. (2002). *Kunst i Al'bers Vladivostok. Istoriya nemetskogo trgovogo doma na rossiiskom Dal'nem Vostoke (1864–1924)* [Kunst and Albers Vladivostok. History of a German Trading House in the Russian Far East (1864–1924)]. Vladivostok. (In Russian).

Grazhdanskaya voina v Rossii: katastrofa Belogo dvizheniya v Sibiri [Civil War in Russia: The Catastrophe of the White Movement in Siberia]. (2005). Moscow: AST: Tranzitkniga. (In Russian).

Grigortsevich, S.S. (1957). *Amerikanskaya i yaponskaya interventsia na Sovetskom Dal'nem Vostoke i ee razgrom (1918–1922 gg.)* [American and Japanese Intervention in the Soviet Far East and Its Defeat (1918–1922)]. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Gins G.K. Sibir`, soyuzniki i Kolchak. Povоротny`j moment russkoj istorii. 1918–1920 [Siberia, allies and Kolchak. A turning point in Russian history. 1918–1920]. Vol. I, Ch. I. Pekin: Tipolitografiya Russkoj Duxovnoj Missii, 1921. 325 s.

Gins G.K. Sibir`, soyuzniki i Kolchak. Povоротny`j moment russkoj istorii 1918–1920: vpechatleniya i my`sli chlena Omskogo Pravitel`stva [Siberia, allies and Kolchak. A turning point in Russian history 1918–1920: impressions and thoughts of a member of the Omsk Government]. Moscow: Ajris-press, 2007. 670 s.

Ispovednikov, D.Yu. (2015). *Publikatsii dokumentov po istorii Grazhdanskoi voiny na Dal'nem Vostoke (1917–1923 gg.): istochnikovedcheskii i arkhograficheskii aspekty* [Publication of Documents on the History of the Civil War in the Far East (1917–1923): Source-study and Archaeographic Aspects] (Candidate of History Dissertation). Moscow. (In Russian).

Livshits, S.G. (1991). *Politika Yaponii v Sibiri v 1918–1920 gg. Uchebnoe posobie po spetskursu* [Japan's Policy in Siberia in 1918–1920. A Teaching Material for a Specialty Course]. Barnaul: Barnaul.gos.ped.in-t. (In Russian).

Mints, I. (Ed.). (1934). *Yaponskaya interventsia 1918–1922 gg. v dokumentakh* [Japanese Intervention of 1918–1922 in Documents]. Moscow: Tsentrarkhiv. (In Russian).

Nasimovich-Chuzhak, N.F. (Ed.). (1931). *Iz istorii yaponskoi interventsii na Dal'nem Vostoke 1918–1922 gg. / Dokumenty* [From the History of Japanese Intervention in the Far East 1918–1922 / Documents]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev. (In Russian).

Naumov, V.P. (1972). *Letopis' geroicheskoi bor'by. Sovetskaya istoriografiya grazhdanskoi voiny i imperialisticheskoi interventsii v SSSR* [A Chronicle of Heroic Struggle. Soviet Historiography of the Civil War and Imperialist Intervention in the USSR]. Moscow: Mysl'. (In Russian).

Polutov, A.V. (2012). Yaponskie voennye missii v Man'chzhurii, Sibiri i na Dal'nem Vostoke Rossii (1918–1922 gg.) [Japanese Military Missions in Manchuria, Siberia, and the Far East of Russia (1918–1922)]. *Vestnik DVO RAN*, 4, 71–84. (In Russian).

Romanov N.S. Letopis'` goroda Irkutska za 1902–1924 gg. [Chronicle of the city of Irkutsk for 1902–1924]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1994. 560 s.

Sarkisov K.O. Yaponiya i Sovetskaya Rossiya. Ocherki istorii (1917–1937). M.: IV RAN, 2019. 528 s.

Saxarov K.V. Belaya Sibir`: Vnutrennyaya vojna, 1918–1920. Myunxen, 1923. 324 s. Zorikhin, A.G. (2019). «Sibirskaya ekspeditsiya» Yaponii (1918–1922) v svete novykh istochnikov [Japan's "Siberian Expedition" (1918–1922) in the Light of New Sources]. In *Aktual'nye problemy izucheniya istorii stran ATR v XIX–XXI vv. (vypusk III)* [Contemporary Issues of Studying the History of the Nations of the Asia Pacific Region in the 19th–21st Centuries (Issue 3)] (pp. 116–140). Khabarovsk: KGBNUK «KhKM im. N.I. Grodekova». (In Russian).

Zorikhin, A.G. (2020). Deyatel'nost' organov voennoi razvedki Yaponii protiv Rossii na Dal'nem Vostoke, v Zabaikal'e, Sibiri, Man'chzhurii i Koree v 1874 – 1922 gg. [Activities of Japanese Military Intelligence against Russia in the Far East, the Transbaikalia, Siberia, Manchuria, and Korea in 1874–1922] (Candidate of History Dissertation). Vladivostok. (In Russian).